

ПОДАРОК

ИННА ВОЛОШИНА

Окончила Нейптаунский государственный университет, факультет истории искусств. Журналист, искусствовед. Работала на центральных каналах телевидения сценаристом документальных фильмов и программ. Фильмы удостоены призов на между-

народных кинофестивалях.

Автор искусствоведческого цикла «Вера и русские художники» и цикла интервью в журнале «Фома». Публиковалась в журнале «Знамя» (2023), в издании «День литературы». Публикации включены в Антологию рассказа (2018–2021).

Сын на бегу своей скоростной жизни решил остановиться на минуту, чтобы придумать, как креативно отпраздновать мой день рождения. Среди прочих идей предлагался ужин в модном ресторане с шеф-поваром, славящимся своей «философской кухней». Это когда не только про поест, но еще и про «подумать о важном». «Мам, – сын торопливо говорил по телефону, – можешь назвать свое самое счастливое воспоминание детства? Шеф в ресторане на твой день рождения сотворит бомбический десерт прямо по мотивам твоего детского счастья».

Дохнуло пародией на экзотическую жизнь богатых и на доступные им разновидности кулинарной феерии. На секунду с убедительной живостью вообразила, как мои счастливые детские воспоминания, воплощенные в кондитерском шедевре со всем их символизмом, будут съедены и переварены гостями.

– Не фантазируй, – убеждал сын. – Подумай и перезвони мне. А лучше запиши и сбрось по WhatsApp. Я перекину менеджеру ресторана, ответственному за твой праздник.

Настроившись на лирическую волну, с некоторым сомнением села за воспоминания.

...В тот день с родителями мы пошли в гости к их друзьям. Они жили на Фрунзенской набережной в «сталинском» доме, окнами выходящем на Мо-

скову-реку. Квартира была большая. Детям накрыли стол в отдельной комнате и запретили забегать в гостиную к взрослым. Играть в спальнях тоже не разрешалось. Я, шестилетняя, с красными бантами и такого же цвета щеками, пылающими от восторга, быстро освоившись среди новых дружков, носилась по квартире, то и дело нарушая запреты, влетая то в гостиную, то на кухню. Незнакомая квартира со всякими темными чуланами и закутками, в которых мы прятались, придумывая страшилки и пугая друг друга, казалась необъятной и таинственной. На кухне обнаружилось загадочное окно под потолком, смотрящее не на улицу, а в ванную комнату, – своего рода открытие, которым мы быстро воспользовались, забираясь на столешницу несдвигаемого массивного буфета и пытаясь разглядеть в окно посетителя ванной, за что нам страшно попадало от хозяйки, тети Милы. На кухне висела картина – на ней женщины в длинных кружевных платьях пили чай в летнем саду на фоне большого белого дома с колоннами и балконом. Но больше всего поражал на картине стол, покрытый нарядной скатертью с цветочным орнаментом: царящий среди всей кухонной обстановки, он представлялся мне достовернее всех ее предметов. При моей жадной детской восприимчивости ко всему красивому тот картинный набросок чужой далекой жизни стал для меня своего рода посвящением

В разгар игры в прятки я влетела в запретную спальню и, забравшись на широкий подоконник, закрылась занавеской, чтобы спрятаться и отдышаться. Сердце колотилось от беготни и радости.

в культ красоты; я всегда потом выбирала по жизни полнокровное, цветущее, «оду к радости», прозвучавшую для меня на том памятном холсте.

А тогда, забегая на кухню попить воды, я не могла оторвать глаз от алых, золотистых и сиреневых цветов на скатерти.

Придумав очередную игру, наша детская компания носилась по комнатам, захлебываясь от веселья, словно под потолком кружились стайки разноцветных мотыльков, посылающих нам юркие смешинки. Время от времени с визгом мы вбегали в гостиную и, предвкушая сладость оваций, устраивали изобретательные представления, соперничая за внимание взрослых. Те, судя по преувеличенно восторженным, но слишком коротким аплодисментам, не всегда оценивали результат по достоинству и торопливо выпроваживали нас восвояси, кто знает, может, таким образом оберегая наши неокрепшие души от будущих тщеславных соблазнов.

В очередной раз заскочив на кухню, я увидела, как тетю Милу обнимал серьезный, даже суровый бородатый мужчина, пришедший позже других. С детской чуткостью уловила мгновенно возникшее напряжение. Все это мелькнуло и тут же выпорхнуло из головы, оставив, однако, безответные вопросы. Но это была взрослая жизнь, а мы жили своей, детской, где потертый портфель, найденный в углу прихожей, или белолицая фарфоровая красавица на буфете казались чем-то далеким от обыденного.

В разгар игры в прятки я влетела в запретную спальню и, забравшись на широкий подоконник, закрылась занавеской, чтобы спрятаться и от-

дышаться. Сердце колотилось от беготни и радости. В спальне было темно. Повернувшись к окну, я застыла: передо мной вдруг во всем величии предстал вечерний огромный город; в черной реке отражались блеклые уличные фонари; слышался отдаленный гул машин. Видны были горящие окна соседних домов, где время от времени появлялись безмолвные тени застигнутых в своих повседневных житейских хлопотах людей, живущих свою неведомую жизнь. Подсмотренные, они казались таинственнее и значительнее, чем уличные встречные, будто я смотрела кино и эти люди были участниками разыгрывающегося сказочного зрелища. Я, со своими красными бантами, застыла ошеломленная, в непроизвольном порыве прильнув к стеклу, и восхищенно смотрела на огромный мир в оправе оконной рамы. То мгновение для меня, шестилетней, запечатлелось почти брейгелевским мотивом чего-то космически необъятного, когда городской пейзаж разрастается виришь и вглубь и за каждым прохожим на дороге – тайна рода человеческого. Так настагает чувство вечности. Тогда оно не могло быть выговорено словами. Но, сидя на подоконнике в темноте чьей-то спальни, потеряв счет времени, я вдруг как бы в провидении почувствовала, что в моей жизни еще когда-то будет эта темная река, будет этот огромный город, и я пойду по его убегающим улицам, пытливо глядя вокруг в поисках своего счастья. В тот момент я уже точно знала, что это счастье неотвратимо придет. Сбудется. Исполнится. Эта вспышка чудесного запечатлелась в самой глубине детской души. Подростающая и вырастающая из своих юных надежд и мечтаний, я часто потом приходила на это место, стояла возле дома на Фрунзенской набережной и смотрела на реку, где невидимым оттиском в глубоких темных водах навсегда сохранился и тот вечер, и этот большой дом на берегу, и девчужка с красными бантами у окна, в озарении глядящая на свою близящуюся судьбу. Оно сбылось потом, это счастье. Пришло из того далекого дня, не обманув. А день тот, открывший мне какой-то неведомый загадочный код, который всякий из осчастливленных безошибочно улавливает в мажорных созвучиях собственной судьбы, так и остался непревзойденно счастливым.

Перечитав и уже представляя будущее замешательство шеф-повара, я отправила текст сыну.

Он перезвонил через полчаса.

– Мам, не думаю, что они рассчитывали на философское эссе, – сказал он со смехом.

– Извини. Ничего счастливее из детства вспомнить не могу.

После некоторых сомнений сын позвонил в ресторан девушке-менеджеру:

– У нас тут очень затянулось с десертом. Целое эссе. Может, я лучше вышлю вам письмом или сообщением по WhatsApp.

– Да нет, вы прямо зачитывайте, я запишу главное, – безмятежно ответила девушка, не подозревая подвоха.

Собравшись с духом, сын начал читать. Когда он закончил, надолго повисла неловкая пауза. Наконец девушка смущенно заговорила:

– Ой, я, видимо, неточно вам объяснила. Нам нужен был просто любимый десерт из детства. Ну, знаете, тот, который ассоциируется у вашей мамы с моментами детского счастья. Скажем, для кого-то это бабушкины горячие пирожки с вишней прямо из духовки. Ну и так далее. – Она все еще была в растерянности от услышанного.

– Мама! Это войдет в семейную юмористическую копилку! – Сквозь смех сын пытался передать итог разговора.

Вообразив ход их беседы, я от души рассмеялась и тут же выдохнула.

– Тогда все проще. Заказывай медовик. Его пекла моя бабушка, папина мама, с неизменным успехом. Хотя шеф, несомненно, остался без вдохновляющего сюжета и кулинарного вызова.

На празднестве в ресторане официант торжественно внес изящно и затейливо оформленный медовый торт – тот самый обещанный подарок от шефа. Все прошло безупречно. Как и положено, я затушила свечи под аккомпанемент «Happy birthday», тайно радуясь, что – обошлось и что мои детские воспоминания в виде безе, шоколада и прочих ингредиентов, из которых творятся десерты, не пошли в расход вслед за закусками и горячим. В этом, пожалуй, тоже обнаружился свой счастливый символизм: все же удалось сохранить «несъеденным» счастье тех далеких детских лет.

